

Больничка стояла на холме над городом. Несколько маленьких деревянных корпусов, один новый двухэтажный, кирпичный. Напротив него, через больничный дворик, ютился невысокий, старинный флигель с крыльцом, сенями, ставнями и резным коньком. Подумалось: «Это точно когда-то была сельская больница. Как они тут жили, как лечили крестьян? Наверное, в комнатах деревянного флигелька горели лампы с жестяными абажурами. На постелях рваное бельишко. Жалостливая, занесенная снегом бедность. Интересно, что теперь здесь? Ага, вот и вывеска: «Бело княжеский родильный дом». Ордinatorскую хирургию я нашел в новом здании. Пусто и тихо было в ней. Три стола, кресло у окна, холодильник. На стене прикреплённый плакат с Валерой Леонтьевым и календарем за прошлый год. На столе только что заведенная история болезни поступившей молодой женщины тридцати восьми лет, местной доярки с тазовым перитонитом. Болеет три дня уже. Температура высокая. «Ну, вот и работа. С корабля на бал. Сейчас будем оперировать. А может, это они ее сейчас?.. Нет, невозможно без анестезиолога...»

– Ликарю, вы йсты будэтэ? – в приоткрытую дверь просунулось улыбающееся, красное лицо санитарки.

– Да нет, наверное... А вообще – давайте. Куда идти?

– Та ни, нэ трэба. Я зараз сюды прынэсу. Як шо добавки трэба, то кажить... Обедом можно было накормить троих. На столе появилась огромная миска домашнего борща со сметаной, гора жареной картошки с тремя котлетами, винегрет, квашеные помидоры, кастрюля компота, мед и духовые пирожки с печенкой и вишней. После зябкого автобуса и последовавшего за ним обжорства я плюхнулся в продавленное кресло, веки сами сомкнулись. Тут мелькнул у меня перед глазами край белой палаты клиники, аудитория с громоздящимися студенческими головами, седая голова профессора. Но вспомнилось, что я в ста пятидесяти километрах от института, в кресле чужой ордinatorской. За окном неуклонно близился к закату короткий день, налетал мелкий снежок.

– Ну, слава богу, приехали. Здравствуйте, доктор, мы вас уже так заждались! Надо мной стояли двое. Один – гораздо старше меня, седеющий великан. Судя по длинному, накрахмаленному до блеска колпаку, явно завотделением. Другой ему по плечо, с густыми усами и дымящейся папиросой. Они сдержанно улыбались, с интересом меня разглядывая. В глазах читалась легкая ирония, она часто наблюдалась у бывалых хирургов, когда они меня видели впервые. Я был еще очень молод, да и выглядел младше своих лет.

– Здравствуйте, а я тут задремал с дороги... Что, будем перитонит оперировать?

– Какой? А, эта гинекология... Нет, доктор, это завтра с утра решим.

– Да как же? Перитонит ведь... Час, два на подготовку, и вперед?

– Так он тазовый, коллега, – они переглянулись, – сейчас посмотрите ее, может быть, что-то назначите для подготовки. А завтра придет моя жена, она заведует гинекологией, так и пойдем вместе на операцию. Вас накормили?

– Спасибо, все очень вкусно! Домашнее?

– Наши девчата постарались. Может, взглянете на рабочее место?

И меня повели в операционную. Ничего особенного, маленькая только. Наркозный аппарат старый, облупившийся, но работает. Закись азота и кислород есть. Инструменты в порядке. Средств для наркоза полным-полно, у нас даже меньше. А в голове буря – седой профессор грозит пальцем и грохочет с трибуны: «Нельзя медлить с перитонитом! У вас, коллеги, всего два золотых часа, чтобы стабилизировать пациента, а иногда и их не будет...»

– Я анестезистка, зовут меня Нина Григорьевна, – представилась крупная женщина лет пятидесяти с голубыми глазами, пшеничными бровями и такими же ресницами. – Михаил Михайлович, наш анестезиолог, все в порядке оставил, и инструменты, и аппаратуру. А если что надо, вы мне и говорите. Я всегда здесь, в операционной. Если что-то ночью – меня привезут, тут недалеко...

– Вы, что же, здесь в единственном числе?

– Да, доктор. А вы как думали? – Она горько улыбается, а потом вдруг объявляет гордо: – Уже двадцать лет. Родилась и живу здесь.

Комнатка рядом с операционной меня поразила. Сестры сделали из нее семейное бунгало. Там было все, что нужно: холодильник, стол, кресла, большой диван с пледом, телевизор, шкаф, печь и мойка. Даже ковры на стенах и полу. Уютно пахло жареным мясом и кофе.

– Здорово! Как это вам санстанция такое разрешила прямо в оперблоке?

– Та шо вы, доктор? Як же без этого? А санстанция нас любит. Куз с ними договорился. Он их заведующую оперировал пять лет назад.

Николай Иванович Куз, завотделением хирургии, – тот великан в длинном колпаке. Казалось, он постоянно рискует зацепиться им за низкий потолок. Веселый, простой и подчеркнуто вежливый в общении со мной, Николай Иванович напускал на себя важность и излишнюю строгость, когда командовал медсестрами. Это был очень резкий, заметный и забавный контраст. Он как бы хотел показать, что смертельно устал здесь с ними. Как надоели ему одни и те же лица. И сам от этого раздражался. Все это усиливалось, когда Николай Иванович, обращаясь ко мне, пытался перейти со своего суржика на правильный русский, но получалось еще хуже. Жена его, Нина Николаевна, как ее за глаза здесь называли, – Кузиха, заведующая гинекологией на этом же этаже. Второй хирург – Михаил Юрьевич. Их всего двое на район. Ночью по очереди дежурили на дому по две недели. Если что серьезное, вызывали обоих. Анестезиолог был один – вечный дежурный. Может, предыдущий потому и сбежал, проработав пять лет.

Николай Иванович скоро ушел домой, а мы с Михаилом Юрьевичем остались в ординаторской выпить чаю и покурить. Стемнело за окнами, пошел крупный снег, и в ординаторской стало уютнее. Чай в граненых стаканах был крепко заварен, напомнив старинными подстаканниками первую детскую поездку на поезде. Михаил Юрьевич, коренастый меланхоличный мужчина лет пятидесяти пяти. Закатанные рукава его застиранного хирургического халата открывали сильные, покрытые рыжими волосами руки. Лицо типичного белогвардейского ротмистра с залезшими наверх редкими полинявшими волосами, белесыми бровями и густыми рыжими усами носило печать какой-то давней тоски. Курил он «Беломор», говорил, что не из экономии, – просто нравится. С папиросой в зубах сходство с ротмистром было окончательное. За чаем как-то незаметно выяснилось, что он тоже большой любитель Булгакова. Тут же, сильно волнуясь, стал на память декламировать отрывки из «Собачьего сердца», но ни разу даже не улыбнувшись, а как-то трагически. Особенно ему удался монолог профессора о разрухе. Когда он переходил опять на свой хохлацкий говор, пытаясь объяснить, в чем здесь сатира, мне стоило большого труда, чтобы не рассмеяться. Жалел, что не может меня угостить выпивкой, его неделя дежурств.

– Это что, – говорил Михаил Юрьевич, деликатно помешивая чай ложечкой,

– это что... Мы-то свои уже здесь. Не привыкать. А вам, доктор, после города очень тяжело будет у нас поначалу. Глушь. Да...

Мне послышалось: «Да-с...»

После его ухода я пошел осматривать пациентку с перитонитом. Бабища килограмм на сто десять, розовощекая и бойкая доярка по имени Анжела тоже имела почти белые брови и ресницы. «Здесь у них, наверное, других и не бывает», – вспомнилось – «Белокняжеский». Оказалось, она уже три дня ходила на дойки с высокой температурой и болями в животе. Ощупал живот – он реагировал, как при перитоните, – при резком отдергивании руки женщина вскрикивала от боли. В голове стучало: «Разве можно ждать до утра? Но они же только что ее осматривали. Может, пойти позвать снова... Да чего я лезу... Мое дело наркоз провести и не облажаться для начала. И ушли они уже...»

Когда Анжела узнала от меня, что завтра операция, а я буду давать наркоз, удивилась и огорчилась ужасно. Стала просить меня дать ей попить каких-нибудь таблеток от температуры, потому что и так три дойки уже пропустила. Хирурги почти везде одинаковы. Нашим тоже лень и некогда объяснять и уговаривать. Придут в палату, «потыкают» в живот, бросят, уходя: – Готовьте в операционную через час. Иногда пациента после их «подготовки» привозят в таком состоянии, будто его только что ударили дубиной из-за угла. Долго все объяснял доярке, уговаривал и обещал, что все будет хорошо. А если без операции, то все будет очень плохо. Вроде верила. Но плакала горько. Где-то в глубине души, еще не оглохшей к человеческому страданию, я разыскал нужные слова. Прежде всего я постарался убить в ней страх. Говорил, что ничего еще пока не известно и предаваться отчаянию нельзя. Что хирурги хорошие, опытные. Постепенно она стихла.

Нина Григорьевна отвела меня к месту ночлега. Извиняясь за временные неудобства, она открыла старую однокомнатную хатку рядом с роддомом. На побеленной стене обнаружилась странная вывеска: «КИЗ». Оказалось, это кабинет инфекционных заболеваний. Меня заверили, что последний заразный лежал здесь полгода назад и уже много раз все дезинфицировалось. Было пусто, воняло хлоркой и углем. Печка гудела жарко в побеленной комнатке с умывальником, кроватью и тумбочкой. На крохотных окнах висели ситцевые больничные пеленки с игриво разбросанными надписями «Минздрав СССР». Наволочка и простыни были в том же духе. Вспомнил комнату сестер рядом с операционной, и мне захотелось туда. «Ну да ладно, всего-то две недели...» Заснуть не удавалось, как всегда бывало в дороге или на новом месте. Много раз выходил покурить на крыльцо. Чистейший деревенский воздух казался сладким, словно фруктовое мороженое. Да, надо было приехать в глушь, чтобы поднять голову и вспомнить, какие яркие звезды в январе. Терзали мысли о предстоящей операции: «А если там уже разлитой перитонит, как я ее здесь выхаживать стану? Ведь придется к нам в областную реанимацию везти, если осложнения начнутся. Ладно, проживем – увидим, нечего себя накручивать заранее».

Утром, после обильного завтрака, взяли доярку в операционную, и мои худшие опасения оправдались. Перитонит был уже диффузный – гной вышел из таза почти на всю брюшную полость. Это всегда чревато серьезными осложнениями, опасными для жизни. Но, к моему удивлению, факт этот никак не связывался хирургами с отсрочкой операции до утра. Ругали селянку на чем свет стоит за то, что не обратилась три дня назад. Она ничего не слышит в наркозе. Наши хирурги на операциях поосторожнее со словами, которые могут касаться состояния пациента. Были публикации о наблюдениях, где больные слово в слово повторяли то, что о них говорили хирурги на операции. Свойства подкормки «записывать» информацию, возможно, при медикаментозном сне сохраняется, мы не знаем. Но лучше «плохих» слов о

больном в операционной не говорить. Здесь вообще много говорить нельзя – нас так учили. Я был поражен еще другим: у них не было положенного тонкого и длинного зонда.

– Николай Иванович, как плохо, что у вас длинного зонда нет... – сказал я Кузу. – Не бойтесь, что от этих толстых трубок в кишечнике пролежни будут, а потом и перфорация?

– Та ни, нэ будэ... – спокойно ответил он, промокая в животе. – Мы на трети сутки его удаляем, всегда так делаем...

Анжела проснулась быстро и была этому очень рада, хотя улыбалась еще вяло. Я вывез ее в отдельную палату, настояв, к большому неудовольствию Нины Григорьевны, чтобы установить там индивидуальный пост. Назначил интенсивную терапию по правилам, с почасовым контролем всех показателей. Это были еще те времена, когда шкафчики ломались от лекарств, бинтов и всего прочего, народного, а значит, ничейного богатства. О, прекрасное и трижды проклятое, благословленное кем-то на погибель, время развитого застоя. Огромная страна сама у себя воровала, проедала и раздавала «нефтяные» рубли разным голодранцам за приверженность к идеям социализма, не зная, что уже обречена. В полчасе езды от этого городишки стоял другой, граничащий с Россией. И тогда и сейчас два почти слившихся города разделяла граница республик, проходившая по железнодорожной ветке. В перестройку российский город, будучи еще большей окраиной, почти голодал. Там на полках магазинов лежали только макароны да плавленые сырки. За варенкой россияне регулярно ездили в эти украинские поселки городского типа, забивали колбасой багажники легковушек под завязку, отстояв по пять часов в очередях. Вырвавшийся за рубеж в тур от совхоза работяга чуть не падал в обморок в супермаркете, узнав, что на свете есть не два сорта колбасы, а сто два. И что это тебе упакут красиво и подадут с улыбкой, а не бросят с ненавистью на прилавок в сером, похожем на портянку клочке бумаги. Зато все слышали, что «мы никому не отдадим наших завоеваний...». А они никому и не были нужны. Капитализм вокруг просто ждал, как варан с острова Комодо, кусающий жертву гнилыми зубами, и ожидающий потом, пока та сама не издохнет от заражения крови. И потянулись дни. Были очень редкие плановые операции, однажды делали плановое кесарево сечение, но почему-то не в роддоме, а все в той же операционной хирургии. Выяснилось, что в роддоме вообще нет операционной. Я, ошарашенный, приставал к Кузихе:

– Нина Николаевна, как же быть, если экстренное кесарево?

– Та нияк! Тягнэмо бабу по двору у хирургию.

– А после операции?

– Тягнэмо назад. У родилку.

Меня прошиб пот, когда представил, как я тащу орущую роженицу на носилках ночью через заметенный снегом двор на второй этаж хирургии, а потом, после наркоза назад, «у родилку». Но для рожениц, как впоследствии оказалось, это было даже хорошо. Дело в том, что Нина Николаевна была, что называется, косоруким акушером-гинекологом. В момент, когда нужно было быстро и аккуратно извлечь ребенка из матки на кесаревом сечении, у нее начиналась паника, и это за нее делал Куз, который всегда ассистировал. От него в свой адрес Нина Николаевна получала тут же у операционного стола довольно точную характеристику своим способностям. В выражениях супруг не стеснялся. Потом она резко бледнела, ее начинало пошатывать, и я уже было пытался поддерживать Кузиху сзади, чтоб не упала. Еле слышным голосом она сообщала супругу новость:

– Коля, я пиду. Шось мэни дурно...

– Иды гэты! – раздражался Николай Иванович, продолжая зашивать матку. Через десять минут она, уже переодетая, розовая и веселая, заглядывала в дверную щель операционной, советуя мужу:

– Коля, ты ж задренируй брюшную полость. Там выпот був...

– Сам знаю, иды гэты, я сказав! Оцэ послідний раз за тэбэ оперирую!

Она исчезала и до конца операции сидела у сестер в комнатухе, пила кофе, сплетничала и смотрела телевизор. Операционные сестры, посмеиваясь, потом рассказали мне, что по этой программе проходят все кесарева сечения в исполнении Кузики уже много лет.

На третьи сутки у нашей Анжелы начались осложнения. Вздулся живот, дренажи не функционировали, росла температура, ухудшались показатели в анализах. Все говорило о том, что интоксикация усиливается, а печень и почки уже плохо справляются. Женщина угасала. Я боролся с интоксикацией, как мог помогал организму. Менял антибиотики на более мощные. Назначал много капельниц, переливал плазму и альбумин. Подбадривал Анжелу, пропускал к ней родню. Тогда к тяжелобольным не допускали, и я делал это вечером, когда заведующий уходил домой. Михаил Юрьевич, в отличие от Куза, почти не отходил от своей пациентки, что-то подолгу рассказывал родственникам в ординаторской. Девиз «не пущать» был, конечно, призван для того, чтоб здоровое население не смогло чего ненужного увидеть: грязи, бедности, скученности. Второе – при посещении ведь нужно было обеспечивать халатами, масками и бахилами. Еще чего. Тут на самих не хватает. Сейчас люди, насмотревшись буржуйских сериалов, требуют посещения родственников в реанимации. И они, конечно, правы, за редкими исключениями. Вообще, вопрос должен решать лечащий врач, а не администратор. Вот мы и решали вместе с хирургом.

Но, похоже, перитонит развивался быстрее, чем мои антибиотики успевали его «придушить». Куз на третьи сутки удалил дренажи, опасаясь пролежней на кишке. Живот все равно постоянно вздувало, скакала температура. И я начал настаивать на повторной операции. Николаю Ивановичу явно не хотелось этого делать. Сейчас во всем мире при таких перитонитах живот окончательно не зашивают. Оставляют наводящие швы, чтобы выполнить еще несколько вхождений в него и, что называется, в буквальном смысле «помыть» кишки. Почему они тогда этого не сделали, не понимаю до сих пор. Может быть, не хотели показаться перед городским врачом несостоятельными при первой операции, оперируя повторно. Это, по-моему, было глупо, и я, как мог, с учетом разницы в возрасте и опыте, пытался им это выразить. Сейчас, наблюдая, как скандалят до крика наши intensivисты с хирургами по таким случаям, я горько жалею, что тогда не проявил упорства и не убедил их «взяться за нож» на третьи сутки. Я паниковал и хватался за монографии по интенсивной терапии перитонита, выискивал более эффективные методы лечения осложнений. Я перечитал все, что было доступно, по печеночной и почечной недостаточности, но это все была терапия, а больной требовалась хирургия.

Перебрался в комнату с диваном в оперблоке, чтобы быть поближе к Анжеле. Было тяжело, но я отмечал про себя, что комфорта прибавилось. На пятые сутки стало совсем тревожно, у пациентки все-таки образовалась перфорация толстой кишки. Ночью я вызвал Куза и Михаила Юрьевича. Провели срочную повторную операцию, которая уже протекала не так гладко. После нее сразу связался с областной реанимацией и утром на местной машине сам отвез больную в областную больницу. Мне пришлось проявить втрое больше изобретательности и убедительности, чем я это делал до первой операции, но все-таки уговорил недоверчивую Анжелу ехать в область. Из реанимации

позвонил домой, рассказал, что у меня все хорошо, но заехать не смогу, ждет машина, а там город без анестезиолога. О женщине потом спраивался, она перенесла еще три операции. Дальнейшая судьба Анжелы мне тогда была неизвестна. Честно сказать, я впоследствии боялся звонить в реанимацию, потому что знал – шансов очень мало. В общении с Кузом и Михаилом Юрьевичем стала иногда возникать какая-то натужность. Мы прятали глаза друг от друга, когда заходили разговоры о перитоните. А может, мне только так казалось...

В комнате с диваном и коврами начался ремонт, я опять ночевал в пустом, обшарпанном КИЗе. Но теперь уже научился здесь спать, ценя каждый ночной час. Днем однажды вызвали в гинекологическое отделение обезболить аборт. В этот день их набралось больше десятка. Работали на два кресла одновременно, то есть это я работал. Нину Григорьевну пожалел, она три ночи почти не спала, дежуря у Анжелы в палате бессменно. Просто приходилось самому набирать анестетик в шприц и самому вводить женщине в вену. Гинекологов было двое, с Кузихой во главе. Я и сейчас предпочту провести наркозы на пяти перитонитах и чтобы меня еще облило кровью или гноем из живота вместо того, чтобы провести один-единственный наркоз на аборте. А их в день приходилось проводить до пятнадцати... «Почистить» – так это называлось у гинекологов. Какое мерзкое слово в применении к ситуации. Как будто делали вид, что вычищают из маток занесенную туда поганым способом грязь, а не убивают плод. Вот в дверную щель абортария просунулась женская, даже девчачья, головка. Глаза расширены от ужаса, губы дрожат, сейчас ее очередь, но она не может сделать шаг в эту пыточную, вот-вот заплачет. Я подхожу.

– Тебе сколько лет?

– Симнадцать...

– Ты не хочешь?

– Так, ликарю... – и слезы потоком.

– Ну, иди, милая, домой, иди...

– А что, можно?! – И она убегает, сбрасывая на ходу больничный халат.

Через полчаса ее впихивает в абортарий родная мать со словами:

– А ну иды, гадюко. Нэ зробиш, до дому нэ прыходь...

Аборты – второе после эвтаназии гнусное дело, которое может делать врач.

Мне иногда приходилось в этом участвовать, как анестезиологу, и сейчас еще я изобретаю всякие предлоги, а иногда просто прячусь, чтобы не идти на это. Тогда спрятаться было некуда. Женщина лежала в кресле, анестезия была уже в вене, но гинеколога срочно позвали к телефону. Через три минуты женщина проснулась, а гинеколога все нет. Зато следом ушла и вторая. После получаса ожидания я понял, что меня бросили... Зашел в ординаторскую. Там сидел Куз с рыжеусым «ротмистром».

– Николай Иванович, а что это за фокусы? У меня пациентка на кресле в наркозе, а все гинекологи ушли куда-то. В следующий раз меня на аборт не зовите, что хотите делайте...

– Та нэ кипишуйтэ, ликарю... Нине Николаевне з универмага звонили, цэ ж дело святое! Она через час будэ. Пообидайтэ пока...

Рассказали, что так заведено в райцентре. Когда в магазин приходил новый товар, продавцы обзванивали администрацию, школу, больницу, гараж, чтобы нужные люди пришли и выбрали, что получше, до того как остальное население хлынет после перерыва к прилавкам. Ну и правильно, какая уж тут работа? Подождет...

– Хохма, да? – засмеялась вошедшая Нина Григорьевна.
– Да! – воскликнул, выдохнув дым, Михаил Юрьевич. – У нас, знаете ли, вся жизнь из подобных хохм состоит... У нас тут такие дела...

И я смеялся, ярость ушла, оставив вместо себя какую-то странную смесь изумления и бессмысленности попыток понять простоту нравов здешних жителей. Весь последующий операционный день был посвящен обсуждению выгодных покупок.

В заиндевшее окошко кто-то изо всей силы лупил кулаком. Я открыл глаза, подскочил к окну, отдернул минздравовские занавески. Там металась тревожная санитарка из роддома. Она кричала сипло, захлебнувшись ночной выюгой:

– Ликарю, ликарю, скорissime! Бижить у родилку, там жинку привезлы...
«Ну вот, дождался и роддома...» Не найдя второпях выключатель, надев брюки наизнанку, кутаясь в пальто, в три прыжка я добежал до заснеженного флигеля. Свет ламп после ночной улицы резанул по глазам. В приемном стоял переполох, люди в халатах сгрудились у чего-то, лежащего на полу. Я раздвинул толпу и увидел: в судорогах билась молодая беременная женщина. Ее серое лицо корчилося гримасами, губы посинели. Зубы намертво закусили почерневший уже язык, мимо него из угла рта выдувался пузырь розовой от крови пены. В голове ухнуло, как в колокол: «Эклампсия! Надо освободить язык, не то задохнется...» Нашупал в кармане большой ключ от КИЗа, вставил сбоку между зубами, пытаюсь разжать челюсти. Они поддались почти сразу, но указательный палец попал под резцы, и в этот момент женщину сотрясла новая судорога. Я взвыл от боли – палец был прокушен. Но язык я освободил. Женщина сделала глубокий вздох, обмякла, и губы начали розоветь. Она была без сознания, снизу растекалась лужа мочи, крупная дрожь била ее. Дрожал и я. «Ну, соберись! Делай! Эклампсия – ведьма в ступе... Не дай ей убить бабу...» – скрежетало в голове. Потребовал:
– Наберите двадцать магнезии, ищите мигмом вену, пока не начался новый приступ! Давление немедленно измерить... Дайте мне йод на палец. Кто она, откуда... Что?.. Анестезистку вызвали?!

Нину Григорьевну привезли, как всегда, быстро. Вместе мы нашли нитку вены и ввели магнезию. Беременная перестала дрожать, глаза закончили метаться из стороны в сторону под веками, она зевнула и захрапела. Перенесли женщину в родзал на кресло для осмотра, укрыли одеялами. Пришла очередь поговорить с привезшим ее немолодым фельдшером.

– Где ты ее нашел такую на нашу голову? А, дружище?
– Та, дэ? У Михайливици! Она сегодня прыхала до матэри з Москвы, з мужем полаялысь. Голова увэчэри заболела, так вони чэтыре часа чэкалы, – может само пройдэ. А потим, колы вже зрение пропало, – выкыкалы нас...
– Зрение пропало? Ты что-нибудь вводил?
– Рэланиум вколов та повиз...
– Молодец! Чего же не магнезию? А давление какое было?
– Так було двисти на сто дэсять.
– На сто дэсять! Теперэ это приступ эклампсии. Его могло бы не случиться, если б ты магнезию в вену дома ввел перед тем, как везти.
– Ой, ликарю, звыняйтэ, я магнэзию у вену боюсь вводить...
– Ладно, поезжай. Книжку бы какую прочитал, что ли...

Беременная спала не слишком глубоко. Налицо была мозговая кома первой степени. По шкале ком Глазго она набирала достаточно баллов, еще не так все плохо. Только давление кошмарное – двести двадцать и сто тридцать. Поставил в родзале катетер в подключичную вену, предчувствуя, что все это надолго. Дело и операцией может закончиться. Слава богу, в роддоме имелся

нитропруссид натрия. Когда я увидел знакомую красную коробочку с двумя коричневыми ампулками, на сердце потеплело. Это было спасение. Вот сколько я его буду капать в вену, столько и смогу «держать» давление в нормальных пределах. Надо еще рассчитать дозу и скорость введения в минуту на килограмм веса. Мигом все вспомнилось из профессорской лекции. А увидел я своими глазами приступ эклампсии здесь впервые. «Как я с ней справлюсь? Эклампсия – опаснейшее осложнение беременности, когда начинается отек мозга и в нем еще возникают кровоизлияния, вызывающие судороги, мозговую кому и смерть...» Меня зовут к беременной. Она очнулась и сказала, что ее зовут Зоя. Только она ничего не видит. «Что же это? Вспоминай, хорошист! Ах, да! Это “корковая слепота”, как рассказывал профессор. Кровоизлияния и отек затронули затылочные доли мозга, а там зрительный анализатор. Если она выживет, то зрение само восстановится... Нет! Когда выживет...»

Давление, однако, снизилось. Теперь черед акушеров. Кузиха выслушала деревянной акушерской трубкой плод через живот Зои. Такие трубочки-стетоскопы лежали у всех врачей в саквояжах в прошлом веке. Теперь они остались только у акушеров. А саквояж докторский я себе хотел, но они не продавались. Теперь их тоже трудно достать – раритет. Как там у молодого врача Михаила Булгакова: «...сумка, в ней кофеин, камфара, морфий, адреналин, торсионные пинцеты, стерильный материал, шприц, зонд, браунинг, папиросы, спички, часы, стетоскоп...»

Под утро привезли опытного акушера-гинеколога из областной больницы, она осмотрела Зою и подтвердила, что роды начались. Под наркозом наложили акушерские щипцы и достали оглушительно орущего ребенка. Зоя вскоре проснулась. И уже зрячая, всем и себе на радость, обняла его.

Завтра кончалась командировка. Прошли мои две недели в завьюженном райцентре. Кому-то другому предстоит бороться в глуши. Завтра получу честно заработанные, и домой. Ремонт в «бунгало» при операционной был окончен, и я опять блаженствовал на диване перед телевизором. Слева от меня ждала запеченная курица, справа стоял чай с лимоном и пирог с абрикосами. Завтра... Зеркало возле холодильника отражало мое какое-то новое, измененное лицо. Оно приобрело усталую серьезность, над губой появилась жесткая щеточка усиков. Щеки потеряли округлость, стали похожи на грубый наждак: это и происходит, если в суете забывать бриться хотя бы три раза в неделю.

Дверь распахнулась от удара, в комнату вбежала Нина Григорьевна.

– Собирайтесь быстрее, там в детском отделении дите помирает, машина у порога! Шас... Ага... Я только детские инструменты и трубки возьму! Бегите к машине, я следом!

«Вот оно. Началось! – мелькнуло в голове, и я никак не мог попасть ногами в туфли. – А, черт!.. Дети! Что же, рано или поздно это должно было случиться. Не всю же жизнь одни операции да роды с абортами...»

Детское отделение оказалось в двух километрах от хирургии, и скоро мы уже взбежали по крутой лестнице на второй этаж. Картина, представшая передо мной, напоминала детский чумной барак. В палате, рассчитанной на шесть коек, находилось около полутора десятка матерей в основном кавказской национальности с детьми от года до десяти. Они лежали в койках по двое, рядом лежали, сидели и ходили матери, тут же готовили еду и кормили детей на руках. Одна мамаша курила в форточку. Трескотня, гомон, детский плач, вонь от сложенных на полу пеленок. Наш пациент – мальчик лет около пяти, завернутый в застиранное белье, лежал у матери на руках. Застывшее лицо его – серо-белого цвета, показавшееся за ее трясущимся плечом, вызвало во

мне внутренний озноб. Мальчик почти не дышал. Мать с округлившимися, мокрыми глазами прошептала на ломаном русском, что два часа назад были судороги, а вот теперь... Я выхватил детеныша из свертка, побежал с ним в коридор, разыскивая манипуляционную. Уже в ней, несколько раз вдохнув ребенку в легкие «изо рта в рот», понял, что это уже глубокая кома. Ручки и ножки висели, как плети. Рефлексов почти не было, зрачки расширились, сердце еще стучало, но глухо, с перебойми... Из коридора донеслись крики медсестер и вой матери, рвущейся в манипуляционную. Надо было мигом интубировать и дышать за малыша. К моей большой радости, получилось все так быстро, как я хотел. Только манжетка на трубке, вставленной в трахею, не хотела раздуваться. В груди закипело: «Дырявая! Не будет герметичности, черт! Стоит начаться рвоте, и аминь...»

Это не нами давно замечено. Лампочка в ларингоскопе будет гореть ярко, не мигая, манжетки на трубках будут целые, зажимы под рукой будут какие хочешь, дыхательный аппарат будет весело пытеть, кислород не кончится никогда, – но только если вы будете спокойно проводить наркоз на плановой операции. Когда припрет к стене экстремальная минута и будет стоять вопрос о жизни и смерти пациента – половина этой «банды», как сговорившись, подложит вам огромную свинью. И вы горько пожалеете, что после наркозов пошли домой, а не перешупали, перезарядили, перепроверили все ваши инструменты, катетеры, иглы и аппараты. Трижды – в педиатрии. Начав искусственное дыхание уже через трубку, я вызверился на анестезистку:

– Нина Григорьевна, зачем мне такие «подарки»?! Эта трубка – говно собаке! Вы же говорили, что Михаил Михайлович все оставил в полном порядке... Где это?! Давайте мне теперь влажный бинт, буду тампонировать глотку. Черт!..

– Извините, доктор, я в оперблоке все знаю. А тут он сам все делал, он говорил, что все есть, я и не проверяла, надеялась. – Она подала мне влажный бинт.

– Ладно. Некогда... Простите. Дышите мешком пока... Где здесь кислород?

– Не знаю... – Она сжалась под моим взглядом.

Побежал искать кислород. Маленькая врач-педиатр показала баллон под лестницей, весь в паутине, заваленный носилками. Вместе с водителем притащили баллон на второй этаж, поставили в манипуляционной. Еще три минуты ушло на то, чтобы найти и прикрутить редуктор, будь он неладен. Пошел кислород в дыхательный мешок, детеныш порозовел. Пульс есть. Можно осмотреться... Спросил перепуганного врача-педиатра:

– Что это у вас за эвакуопункт такой в палате, а?

– Это беженцы из Нагорного Карабаха, армяне в основном. Есть азербайджанцы и русские. Там сейчас плохо у них. Вы же слышали... У всех детей ларингиты, трахеиты, пневмонии – долго добирались сюда по зиме.

– А с этим что?

– Вчера поступили с бронхитом вроде. Обследовался. А сегодня вот – судороги... Может, менингит... Что делать? Что матери сказать?

– Ладно, понял. Сейчас пока не важно, менингит или что другое. Мне надо, чтобы он не помер от кислородного голодания. Мне нужна полноценная вентиляция легких. Тащите сюда аппарат бегом. Вызывайте детский реанимобиль по санавиации, будем транспортировать в детскую областную реанимацию. Мамой занимайтесь сами.

Позвал расстроенную сестру:

– Нина Григорьевна, готовьтесь, будем ставить катетер в подключичную вену, а я пока подышу мешком. Живее, пожалуйста...

– Это та дярка? Анжела? Она что, сестрой его была? А он и не говорил...
Надо же...

Вспомнилось, как мне в конце зимы пришло приглашение на разбор этого случая в расширенный совет по гинекологии, и я не смог пойти, валялся в это время с тяжелым гриппом.

Теперь приехавший чиновник косился на меня.

– Так вы знаете?! А, ну вот, значит, потом по городку слух пошел, что они ее вместе с Кузом как-то там неправильно лечили или некачественно прооперировали... Комиссия была, разборки шли долго, но дело так не возбудили. В общем, после всех комиссий запил наш Михаил Юрьевич по-черному. Городок маленький, а слухи такие, сами понимаете... Через месяц его жена сына забрала, уехала к своим родителям. А его нашли в своем дворе на дереве, в петле... Записки не было при нем.

– Ну, что же, все мы немощны, ибо человеци суть... Помянем коллегу. – Судмедэксперт достал из шкафчика пол-литровый флакон спирта, разлил в мензурки. Выпили молча.

Дорогой домой я вспоминал, как мы пили чай тем январским вечером с Михаилом Юрьевичем, его пламенную декламацию в уютной ординаторской. Как он жалел меня... Разное думалось: «Почему я не настоял на своем? Ошибка ли это, безразличие, малодушие? Молодость моя? Их косность? Но они ошибались, конечно, по-старому оперируя уже который год. Глушь? Не оправдание это. И вот вроде сильный человек, а не выдержал молвы. И жена еще... Но почему никто мне тогда не сказал, что она его родственница? А что бы я делал? По-другому себя повел бы? И все же: никогда не стоит давать волю «праведному» гневу, когда дело касается врачебных ошибок. Бросаться в суды за морально-ущербными компенсациями. Лучше вспомнить о другом суде, помолиться за себя и за тех, кто, уходя, не успел исповедаться. Так будет лучше всем...» И я молился.

...Ослаби, остави, прости ми согрешения моя,
елика Ти согреших, аще словом, аще делом, аще помышлением,
волею или неволею, разумом или неразумием, вся ми прости,
яко Благ и человеколюбец...